

ВКУШАЮЩИЕ ЛОТОС

"Смелей! - воскликнул он. - Вон там, в туманной дали,
Причалим мы к земле". Чуть пенилась вода.
И в сумерки они к чужой стране пристали,
Где сумеречный час как будто был всегда.
В тревожно-чутких снах дышала гладь морская,
Вздыхался круг луны над сумраком долин.
И точно бледный дым, поток, с высот сбегая,
Как будто замедлял свой путь, изнемогая,
И падал по скалам, и медлил меж; теснин.

О, тихий край ручьев! Как бледный дым, иные,
Скользили медленно по зелени лугов,
Иные падали сквозь тени кружевные,
Роняя дремлющий и пенистый покров.
Огнистая река струила волны в море
Из глубины страны; а между облаков
Три мертвые горы в серебряном уборе
Хранили след зари, и сосны на просторе
Виденьями росли среди немых снегов.

На Западе закат, навек замороженный,
Горя, не погасал; и сквозь провалы гор
Виднелась глубь страны, песками окаймленной,
Леса из пышных пальм сплетались в узор,
Долины и луга в сверканьи бледной влаги,
Страна, где перемен как будто нет и нет.
И бледнолицые, как тени древней саги,
Толпой у корабля сошлись лотофаги, -

В их взорах трепетал вечерний скорбный свет.

Душистые плоды волшебного растенья
Они давали всем, как призраки глядя.
И каждый, кто вкушал, внимал во мгле забвенья,
Как ропот волн стихал, далеко уходя;
Сердца, в сознаныи всех, как струны трепетали,
И если кто из нас друг с другом говорил,
Невнятные слова для слуха пропадали,
Как будто чуть звеня во мгле безбрежной дали,
Как будто приходя из сумрака могил.

И каждый, хоть не спал, но был в дремоте странной,
Меж: солнцем и луной, на взморьи, у зыбей,
И каждый видел сон о родине туманной,
О детях, о жене, любви, - но всё скучней
Казался вид весла, всё больше тьмой объята
Казалась пена волн, впивающая свет,
И вот один сказал: "Нам больше нет возврата!"
И вдруг запели все: "Скитались мы когда-то.
Наш край родной далек! Для нас возврата нет!"

1

Есть музыка, чей вздох нежнее упадает,
Чем лепестки отцветших роз,
Нежнее, чем роса, когда она блистает,
Роняя слезы на утес;
Нежней, чем падает на землю свет зарницы,
Когда за морем спит гроза,
Нежней, чем падают усталые ресницы
На утомленные глаза;

Есть музыка, чей вздох – как сладкая дремота,
Что сходит с неба в тихий час,
Есть мшистая постель, где крепко спит забота
И где никто не будит нас;
Там дышит гладь реки в согретом полумраке,
Цветы баюкает волна,
И с выступов глядя, к земле склонились маки
В объятьях нежащего сна.

2

Зачем душа болит, чужда отдохновенья,
Неразлучимая с тоской,
Меж: тем как для всего нисходит миг забвенья,
Всему даруется покой?
Зачем одни лишь мы в пучине горя тонем,
Одни лишь мы – венец всего,
Из тьмы идя во тьму, зачем так скорбно стонем
В терзаньи сердца своего?
И вечно и всегда трепещут наши крылья,
И нет скитаниям конца,
И дух целебных снов не стонит тень усилия
С печально-бледного лица?
И чужды нам слова чуть слышного завета:
"В одном покое – торжество".
Зачем же только мы томимся без привета,
Одни лишь мы – венец всего?

3

Вон там, в глуши лесной, на ветку ветер дышит,
Из почки вышел нежный лист,

И ветер, проносясь, едва его колышет,
И он прозрачен и душист.
Под солнцем он горит игрою позолоты,
Росой мерцает под луной,
Желтеет, падает, не ведая заботы,
И спит, объятый тишиной.
Вон там, согрет огнем любви, тепла и света,
Растет медовый сочный плод,
Созреет - и с концом зиждительного лета
На землю мирно упадет.
Всему есть мера дней: взлелеянный весной,
Цветок не ведает труда,
Он вянет, он цветет, с землей своей родною
Не разлучаясь никогда.

4

Враждебен небосвод, холодный, темно-синий,
Над темно-синею волной,
И смерть - предел всего, и мы идем пустыней,
Живя тревогою земной.
Что может длиться здесь? Едва пройдет мгновенье -
Умолкнут бледные уста.
Оставьте нас одних в тиши отдохновенья,
Земля для нас навек пуста.
Мы лишены всего. Нам ничего не надо,
Всё тонет в сумрачном Былом.
Оставьте нас одних. Какая нам отрада -
Вести борьбу с упорным злом?
Что нужды восходить в стремленьи бесконечном
По восходящей в высь волне?
Всё дышит, чтоб иметь удел в покое вечном,

Всё умирает в тишине.
Всё падает, мелькнув, как тень мечты бессильной,
Как чуть плеснувшая волна.
О, дайте нам покой, хоть черный, хоть могильный,
О, дайте смерти или сна.

5

Глаза полузакрыв, как сладко слушать шепот
Едва звенящего ручья
И в вечном полусне внимать невнятный ропот
Изжитой сказки бытия.
И грезить, и дремать, и грезить в неге сонной,
Как тот янтарный мягкий свет,
Что медлит в высоте над миррой благовонной
Как будто много-много лет.
Отдавшись ласковой и сладостной печали,
Вкушая лотос день за днем,
Следить, как ластится волна в лазурной дали,
Курчавясь пеной и огнем.
И видеть в памяти утраченные лица,
Как сон, как образ неживой, -
Навек поблекшие, как стертая гробница,
Полузаросшая травой.

6

Нам память дорога о нашей брачной жизни,
О нежной ласке наших ясен;
Но всё меняется - и наш очаг в отчизне
Холодным прахом занесен.
Там есть наследники; и наши взоры странны;

Мы потревожили бы всех,
Как привидения, мы не были б желанны
Среди пиров, где дышит смех.
Быть может, мы едва живем в мечте народа,
И вся Троянская война,
Все громкие дела - теперь лишь гимн рапсода,
Времен ушедших старина.
Там смута может быть; но если безрассудно
Забыл народ завет веков,
Пусть будет то, что есть: умиловить трудно
Всегда взыскательных богов.
Другая смута есть, что хуже смерти черной, -
Тоска пред новой борьбой,
До старости седой - борьбу и труд упорный
Везде встречать перед собой, -
Мучение для тех, в чьих помыслах туманно,
Кто видел вечную беду,
Чей взор полуослеп, взирая неустанно
На путеводную звезду.

7

Но здесь, где амарант и моли пышным цветом
Везде раскинулись кругом,
Где дышат небеса лазурью и приветом
И веют легким ветерком,
Где искристый поток напевом колыбельным
Звенит, с пурпурных гор скользя, -
Как сладко здесь вкушать в покое беспредельном
Восторг, что выразить нельзя.
Как нежны голоса, зовущие оттуда,
Где шлет скала привет скале,

Как нежен цвет воды с окраской изумруда,
Как мягко льнет акант к земле,
Как сладко здесь дремать, покоясь под сосною,
И видеть, как простор морей
Уходит без конца широкой пеленою,
Играя светом янтарей.

8

Здесь лотос чуть дрожит при каждом повороте,
Здесь лотос блещет меж; камней,
И ветер целый день в пленительной дремоте
Поет неясней и всё неясней.
И впадины пещер, и сонные долины
Покрыты пылью золотой.
О, долго плыли мы, и волны-исполины
Грозили каждый миг бедой, -
Мы ведали труды, опасности, измену,
Когда среди стонущих громад
Чудовища морей выбрасывали пену,
Как многошумный водопад.
Клянемтесь же, друзья, изгнав из душ тревоги,
Пребыть в прозрачной полумгле,
Покоясь на холмах, - бесстрастные, как боги, -
Без темной думы о земле.
Там где-то далеко под ними свищут стрелы,
Пред ними - нектар золотой,
Вкруг них везде горят лучистые пределы
И тучки рдеют чередой.
С высот они глядят и видят возмущенье,
Толпу в мучительной борьбе,
Пожары городов, чуму, землетрясенье

И руки, сжатые в мольбе.
Но в песне горестной им слышен строй напева -
Иной, что горести лишен,
Как сказка, полная рыдания и гнева,
Но только сказка, только сон.
Людьми воспетые, они с высот взирают,
Как люди бьются на земле,
Как жатву скудную с полей они собирают
И после - тонут в смертной мгле.
Иные, говорят, для горечи бессменной
Нисходят в грозный черный ад,
Иные держат путь в Элизиум -блаженный -
И там на златооках спят.
О, лучше, лучше спать, чем плыть во тьме безбрежной,
И снова плыть для новых бед.
Покойтесь же, друзья, в отраде безмятежной -
Пред нами странствий больше нет.